

Сергей Доценко

## ПОЧЕМУ ОБЕЗЬЯНА КРИЧИТ ПЕТУХОМ: К ОБЪЯСНЕНИЮ ОДНОГО МОТИВА В ТВОРЧЕСТВЕ А.М. РЕМИЗОВА

И грубо было нацарапано слово  
*Αβραζας*

М. Кузмин

В рассказе А.М. Ремизова „Обезьяны“ (1905) встречается любопытный и весьма странный мотив. Фантастическая сцена казни обезьян, описанная глазами их предводителя, заканчивается так:

...Прискакал на медном коне, как ветер, всадник, весь закованный в зеленую медь. Высоко взвившийся аркан стянул мне горло, и я упал на колени. И в замеревшей тишине, дерзко глядя на страшного всадника перед лицом ненужной, ненавистной, не-прошенной смерти, я, предводитель шимпанзе Австралии, Африки и Южной Америки, прокричал гордому всаднику и ненавистной мне смерти трижды петухом (Ремизов 1910, 138).

„Всадник, весь закованный в зеленую медь“ — это, конечно же, Медный всадник. И прочтение всего рассказа при помощи такого кода, как „петербургский миф“, обоснованно и убедительно (см. об этом: Минц, Безродный, Данилевский 1984). Правоммерно здесь видеть и евангельские аллюзии: 3-кратный крик петуха в связи с отречением апостола Петра (Минц, Безродный, Данилевский 1984, 89-91; Безродный 1992, 213-214). Но все указанные подтексты не в состоянии объяснить, почему обезьяна (шимпанзе) кричит не по-обезьянски, а именно *петухом*. Очевидная алогичность этого мотива может быть выведена из поэтики и прагматики самого текста, который А. Ремизов определил как запись сна и еще при первой публикации включил в цикл снов „Бедовая доля“. А поскольку сон как таковой а priori есть актуализация алогичного, иррационального, то можно подозревать, что рационального объяснения занимающего нас мотива искать не приходится. Не исключая присутствия в снах Ремизова бессмысленных и практически не поддающихся объяснению мотивов и образов (иначе сон теряет необходимо заключенную в нем эзотеричность, традиционно являющуюся обязательным признаком такого рода текстов), все же рискуем предположить, что в данном конкретном случае возможно подобрать

ключ к загадочному мотиву петушиного крика обезьяны. Тем более что сам А. Ремизов, объясняя специфику своих многочисленных снов, как-то обмолвился:

Никакое бессознательное описание не передаст сновидения. Необходима словесная работа над записью. Оголосить сон – большое искусство (Кодрянская 1959, 41; о „технологии“ словесной работы Ремизова над снами см. Цивьян 1993, 304–316; 318–329).

Иными словами, если генезис сна надо искать в глубинах подсознательного, то сам текст записи сна есть результат сознательной словесной (и неизбежно – осмысленной) обработки спонтанных проявлений „бессознательного“. На выходе мы все равно получим текст, пропущенный, хотя и отчасти, через механизмы сознания.

Кроме того, хорошо известная страсть Ремизова к мистификациям заставляет подозревать многие его сны в определенной искусственности. Характерен один эпизод, в котором фигурирует сон с В. Ходасевичем:

У Ремизова выработалась неприятная, на границе с шантажем, практика: видеть разных важных персон – во сне! Причем он мог управлять этими грезами: одни являлись в лестной для них обстановке, а другие – в унижительной. И Ремизов опубликовывал эти сны с комментариями. Так что Ходасевич даже раз был вынужден написать Ремизову:

– Отныне я вам запрещаю видеть меня во сне! – и это, кажется, помогло (Яновский 1983, 202–203).

В случае же со сном „Обезьяны“ существенно и то, что этот „сон“ имеет несколько редакций (особо подчеркнем, что редакция 1927 г. включает такие мотивы, которые не могли появиться ранее событий 1917 г.: „нас выстроили, как *красноармейцев*, на Марсовом поле“ (Ремизов 1991, 390; курсив мой. – С.Д.), свидетельствующих о том, что перед нами не только некоторое спонтанное проявление „бессознательного“, но и текст, существующий по законам именно художественного текста. Проще говоря, рассказ-сон „Обезьяны“ – это, по всей видимости, результат *литературной обработки* подлинного сна.

Но вернемся к „петушиному крику обезьяны“. Ключ к этому мотиву надо искать в знаменитой игре Ремизова в Обезвельволпал (Обезьянью Великую и Вольную Палату) (см.: Обатнина 1996; Доценко 1997). Прежде всего уточним, кто кричит. Рассказ написан от первого лица – предводителя обезьян, но имя его не названо. Но, как известно, в мистификации Ремизова обезьяньим царем был Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа. Не

удивительно, что Ремизов, включив сон „Обезьяны“ в свою автобиографическую хронику *Взвихренная Русь* (1927), дал ему заглавие: „Асыка“. Что вынуждает видеть в предводителе обезьян именно обезьяньего царя Асыку. Известен и придуманный Ремизовым „нерукотворенный образ“ Асыки, который описывается так:

Есть асычий нерукотворенный образ – на голове корона, как петушиный гребень, ноги – змеи, в одной руке – веночек, в другой – треххвостка (Ремизов 1922, 29; см. также: Ремизов 1991, 376).

Этот графический образ Асыки есть и на печатях Обезвельволпала (см.: Ремизов 1922, 45), и на обложке книги А. Ремизова „Сказки обезьяньего царя Асыки“ (Берлин 1922). В таком виде он восходит к иконографии божества гностической секты Василида – *Абраксаса*.<sup>1</sup> На геммах эпохи раннего христианства Абраксас (*Αβραξας*) обычно изображался в виде следующей фигуры:

...с человеческим туловищем, человеческими руками, *петушьей головой и змеями вместо ног*; в правой руке ее плетень, в левой круг или *веночек с двойным крестом внутри* [курсив мой. – С.Д.] (Брокгауз–Ефрон 1891, 40; см. также: *Русская энциклопедия* 1911, 20; *Большая энциклопедия* 1902, 25; *Еврейская энциклопедия*: 149–152).

Тождество иконографического образа обезьяньего царя Асыки и гностического божества Абраксаса полностью подтверждается рисунком Ремизова, на котором изображена фигура с петушиным гребнем на голове, в правой руке ее – плетень треххвостка, в левой – веночек с крестом внутри (см.: Кодрянская 1959, 150). Внизу, под рисунком, подпись кириллицей: „Царь обезьяний Асыка“. Над фигурой Асыки – имя „Абраксас“, написанное древнегреческими буквами. Рядом с фигурой Асыки – сделанная глаголицей („обезьяньей“ азбукой, как и на многих документах Обезвельволпала) надпись: „Обезвельволпал“. Справа внизу – кириллическая приписка: „О нем никто ничего не знает, и его никто никогда не видел“ (слова эти взяты из „Конституции“ Обезвельволпала; см.: Ремизов 1991, 376). Подчеркнутая петушинная природа Абраксаса сохранилась, как мы видим, и в образе обезьяньего царя Асыки. Поэтому не удивительно, что обезьяна (царь Асыка) кричит именно *петухом*.

Не совсем ясно, правда, сразу ли Асыка был „списан“ с иконографического образа Абраксаса или это более позднее осмысление образа, относя-

<sup>1</sup> Пользуюсь случаем выразить благодарность М.В. Безродному за это наблюдение.

щееся к концу 10-х – началу 20-х годов, когда Ремизов активизирует свою игру-мистификацию в Обезвельволпал (см.: Обатнина 1996, 185–217; Доценко 1997, 305–320). Как представляется, предложенная интерпретация образа Асыки-Абраксаса заставляет подозревать, что уже ранняя „редакция“ образа Асыки (в рассказе „Обезьяны“) так или иначе соотносится с образом Абраксаса. Впоследствии эта семантика Асыки была закреплена за ним в более явном виде. В качестве дополнительного аргумента в пользу сказанного может служить следующее соображение. Полное имя обезьяньего царя Асыки выглядит так: „Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа-Асыка-Первый-Обезьян-Великий“ (Ремизов 1991, 376). О возможном происхождении самого антропонима „Асыка“ уже писалось (Гречишкин 1980, 173–176). Гораздо более примечательна вторая часть имени: *Валахтантарарахтарандаруфа*. Его Ремизов позаимствовал из одного русского фольклорного (магического) текста, помещенного в известном сборнике „Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым“, где встречается именно такое загадочно-бессмысленное слово (см.: Кирша Данилов 1958, 275).

Но замечательнее другое. От имени Абраксас образовано магическое слово *абракадабра*:

Абракадабра – чародейское слово, восходящее ко времени вавилонян, у которых слово Абраксас было названием высшего существа; [...] ладонка со словом абракадабра излечивает от лихорадок; для этого оно, с соблюдением таинственных обрядов, писалось 11 раз в форме треугольника [...] Слово абракадабра и в новейшее время встречается в амулетах [...] Произношение этого слова также считалось заговором (Брокгауз–Ефрон 1891, 40; об этимологической связи имени Абраксас и слова абракадабра см. также: Britannica 1929: 59).

Иными словами, вторая часть полного имени Асыки является скрытой отсылкой к имени Абраксас, т.к. она есть не что иное, как самая настоящая *абракадабра*, т.е. – „бессмысленное слово“. Дешифруя таким образом имя Асыки, получаем: *Асыка-Абраксас*. Бессмысленность имени оказывается мнимой: оно указывает на тайное – настоящее – имя обезьяньего царя Асыки.

## Л и т е р а т у р а

Безродный, М. 1992. „Об одном приеме художественного имяупотребления (Nomina sunt odiosa)“, *В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана: Сборник статей*, Тарту: Эйдос, 210–217.

- Брокгауз-Ефрон, 1891. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона*, Т. 1, СПб.
- Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания*, 1902. Т. 1, СПб.
- Гречишкин, С. 1980. „Царь Асыка в „Обезьяньей Великой и Вольной палате““, *Studia Slavica Hung*, Т. XXVI, 173–176.
- Доценко, С. 1997. „ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ А.М. Ремизова как зеркало русской революции“, *Europa Orientalis*, XVI, 2, 305–320.
- Еврейская энциклопедия*, [Б.г.] СПб., Т. 1.
- Encyclopedia Britannica*, 1929. London / New York, Vol. 1.
- Данилов, К. 1958. *Древние Российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*, М.–Л.
- Кодрянская, Н. 1959. *Алексей Ремизов*, Париж.
- Минц, З., Безродный, М., Данилевский, А. 1984. „‘Петербургский текст’ и русский символизм“, *Учен. зап. Тарт. гос. ун-та*, Вып. 664, 78–92.
- Обатнина, Е. 1993. „От маскарада к третейскому суду: ‘Судное дело об обезьяньем хвосте’ в жизни и творчестве А.М. Ремизова“, *Лица: Биографический альманах*, 3, М.–СПб, 448–465.
- Обатнина, Е. 1996. „‘Обезьянья Великая и Вольная Палата’: Игра и ее парадигмы“, *Новое литературное обозрение*, 17, 185–217.
- Ремизов, А. 1910. *Рассказы*, СПб: Прогресс.
- Ремизов, А. 1922. *Ахру: Повесть петербургская*, Берлин / Петербург / Москва.
- Ремизов, А. 1991. *Взвихренная Русь*, М.
- Цивьян, Т. 1993. „О ремизовской гипнологии и гипнографии“, *Серебряный век в России: Избранные страницы*, М.: Радикс, 299–338.
- Яновский, В. 1983. *Книга памяти: Поля Елисейские*, Нью-Йорк.